

Овсянников А. А.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ: ДОЛГАЯ ДОРОГА В ПОИСКАХ НОВЫХ ИДЕАЛОВ И СМЫСЛОВ ЖИЗНИ

Овсянников Анатолий Александрович – доктор экономических наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО-Университет МИД РФ).
Россия, Москва, 119454, проспект Вернадского, 76.

E-mail: aovsianikov@post.ru

Тел.: +7 (903) 275 49 78

Аннотация. Статья основана на сравнительном анализе результатов двух социологических исследований студенчества, осуществлённых в 1991 г. в СССР и в 2013 г. в Армении, Белоруссии, России и на Украине. В обоих исследованиях были получены одинаковые пары типологических групп студентов, отличающихся по своим социальным установкам. Отличия этих пар заключаются в социальном самочувствии, восприятии ближайшего социального окружения, семейным ценностям и семейным традициям, карьерного и профессионального роста, специфике социальных установок молодёжи. Рассмотрены характеристики и основания оптимизма, романтизма и пессимизма студентов, их отношение к семье и родственникам, прежде всего к родителям. Описаны разные установки по поводу функций и роли родителей в жизни молодёжи, определены политические, религиозные и другие тренды в смысловых основаниях молодёжи. Выявление авторитетных лиц для различных групп молодёжи позволило увидеть изменения важнейших социально-психологических установок студенчества разных поколений. Существенным моментом является анализ изменений в профессиональных предпочтениях и установках по поводу базовых характеристик будущей работы. Анализ основных источников чувства стыда, страха, протеста молодёжи в сочетании с их оценкой характеристик жизненного успеха позволил увидеть структуру основных социальных ценностей молодых людей.

Ключевые слова: пессимизм, романтизм, распад СССР, семейные ценности, социальное самочувствие, молодёжь, социальная замкнутость, социальное благополучие, социальное отчуждение.

*Мир охватывает беспокойство.
Сползая в бездну, люди чувствуют,
что всё зависит от того,
каким будет грядущее поколение.*

Карл Ясперс

В 2011 году в Харькове на очередных социологических чтениях, посвящённых памяти выдающегося советского социолога Елены Александровны Якубе, собралась группа социологов: профессора Бакиров В. С. (ректор Харьковского

государственного университета), Овсянников А. А. (Москва), Иудин А. А. (Нижегородский государственный университет), Ротман Д. Г. (Белорусский государственный университет), Кюрегян Э. А. (Ереванский государственный университет), Сокурская Л. Г., Николаевский В. Н., Кизиллов А. И. (Харьковский государственный университет). Результатом этой встречи стала подготовка повторного исследования **«Новое поколение: надежды, цели и идеалы»**, выполненное в 1991 году по программе **«Общественное мнение» Государственного комитета СССР по народному образованию**. Были разработаны выборки, репрезентирующие все три славянские республики (Россия, Украина и Белоруссия) и Армению. В России (Овсянников А. А.), Украине (Сокурская Л. Г.), Белоруссии (Ротман Д. Г.) и Армении (Кюрегян Э. А.) были опрошены студенты различных типов университетов и курсов. Выборка исследования 2013 года состояла из 7287 человек, гарантирующая ошибку выборки, не превышающую 3%¹.

Исследование 2013 года предполагало повторить исследование 1991 года. В анкету были введены минимальные исправления с тем, что бы как можно полнее оценить трансформации мировоззренческого ценностного мира студенческой молодёжи. Конечно, интересно и с научной, и с практической точки зрения посмотреть на то, как изменился этот мир у студентов, поскольку за это время произошли грандиозные изменения и в политике, и в экономике, и в мировоззренческих системах. Основная задача проекта состояла в том, чтобы выявить **степень влияния этих изменений на мир ценностей студентов и определить вектор произошедших трансформаций**. С первыми результатами этого проекта спешу поделиться с читателями журнала.

Мир ценностей и ценности посткоммунистического мира²

Общества, сформировавшиеся в модернистской парадигме XIX и XX столетий, в настоящее время постепенно трансформируются, приобретая удивительные свойства новых обществ, называемых ныне постсовременными или постмодернистскими [Кравченко, 2004]. Предвестниками его можно считать и О. Шпенгелера с его культурно-цивилизационным исследованием, отвергающим идею прогресса, имевшую долгое время вдохновляющее значение, и М. Хайдеггера с его критикой рационализма и установкой на то, что пони-

¹ В России опрос проходил в Москве (проф. Туманов С. В.), Нижнем Новгороде (проф. Иудин А. А.), Воронеже (доц. Верещкая А. И.), Ростове – на Дону (доц. Бойко В. А., Гайдукова Е. П., Колесникова Е. Ю.), Екатеринбурге (проф. Меренков А. В., доц. Маликова Н. Н.), Томске (доц. Лепихина З. П.), Иркутске (доц. Лисаускене М. В.), Саратове (проф. Константинова (Видгоф) Л. В.).

² Глава написана при участии профессора Константиновой (Видгоф) Л. В.

мание человеческого бытия достигается не специальными методами, а теми, которыми люди постоянно пользуются в своей жизни, и Х. Гадамера с его отрицанием универсальной истины и универсального метода и призывом к диалогу между разными культурами, и М. Вебера, давшего начало понимающей социологии и возникшей на её основе в лице А. Шюца новой социологии повседневности, опровергающей возможности всеохватывающих форм рациональности, и К. Поппера с его критикой историцизма и традиций универсалистски-глобалистского мышления.

По сути дела уже неклассическая социолого-философская мысль второй половины XIX – первой половины XX века засвидетельствовала кризис и начало разрушения тех устоев, на которых зиждились все теории общественного идеала в различных интерпретациях – рационализма, универсализма, абсолютизма и прогрессивизма.

Постмодернизм конца XX – начала XXI века эти устои разрушил окончательно, воплотившись в «то состояние, с помощью которого современное общество осознало свою нереализуемость, недостижимость своих целей, поняло, что нет способа устранить разнообразия и плюрализм» [Бауман, 1994].

Если вся предыдущая социальная мысль стремилась свести сущность человеческого бытия, социального мира к некому единому, абсолютному, универсальному началу, будь то какая-то рациональная сущность, либо какие-то религиозно-нравственные основания или иррациональные источники жизни, то постсовременное мировидение отрицает такую постановку вопроса в принципе. **Если классики Нового времени утверждали величие, универсальность, нетленность абсолютного идеала и бренность относительных и частичных форм его конкретного существования, то представители постмодернизма изначально отрицают возможность и необходимость какого-либо Абсолюта.** Если в модернистской традиции мир видится в целом как находящийся в постоянном прогрессивном развитии через унификацию, ликвидацию различий и приближении всех культур к единой, общей для всех цели и форме существования, то постмодернизм утверждает множественность, плюрализм и даже эклектизм культур и циклов развития от расцвета к упадку¹.

¹ Конфликт между вечностью универсального Абсолюта и тленностью повседневных практик его опредмечивания очень точно описал блистательный немецкий поэт Ханс Магнус Энценсбергер в стихотворении «О трудностях перевоспитания».

Философские интерпретации общества Постмодерна насыщены характеристиками, позволяющими уловить парадоксальные развороты постсовременной эпохи, которые, с одной стороны, могут трактоваться как тотальный кризис социальности, а с другой – восприниматься как принципиально новый способ организации социальной реальности.

Социальная деконструкция и децентрализация, плюрализм и эклектизм культур, духовных форм, способов социальной организации, всеобщий хаос и неопределённость, отсутствие общепринятых норм и амбивалентность ценностей, симулятивность и театрализация основных сфер жизни, виртуализация и гламуризация социального пространства, нелинейность и иррационализация социальных процессов, подавляющий агностицизм и прагматизм расколотого общества, оправдывающего идеологический плюрализм и мифы потребительства, внедряемые в сознание с помощью тотальной манипуляции – вот лишь немногие значимые черты постсовременности.

Особую актуальность эти характеристики мира современного постмодерна имеют для молодёжи, которая прошла бурную историю своей социализации в постсоветском посткоммунистическом мире. Это был новый мир, в котором родители и учителя не были для них поводырями. Прямолинейность утопического сознания коммунистической идеологии, искусственные миры оптимистического и детерминированного будущего вдруг исчезли. Оказалось, что не стоят сзади у человека могущественные силы марксовых объективных законов исторического материализма, которые тащили его в светлое коммунистическое завтра. Оказалось, что надо самому что-то делать и отвечать за сделанное или не сделанное, самореализовываться и самостоять, надо самому искать смыслжизненные опоры. Но и мир пытался обрести новые смыслы. Для молодёжи постсоветских стран такая ситуация воспринималась как социальная катастрофа. Выходом из этой точки бифуркации было стремление найти новые и понятные смыслжизненные идеалы, новые мифологемы жизненных устремлений.

Общественный идеал как фундаментальное основание общественного обустройства в это время переживал и кризис, и переосмысление, и переоформление. Исчезает ли он совсем как социальный, духовный феномен и общественная детерминанта либо остаётся, но при этом принципиальным образом изменяется его природа?

Однозначных ответов на данные вопросы, по всей видимости, нет. Проще всего ответить на этот вопрос, сказав, что вместе с верой в Абсолют в постсовременном обществе умирают и общественные идеалы, глобальные утопии и верования уходящего мира.

А постмодернизм – это не теория развития, не перспективная парадигма, а парадигма оправдания уставшего от Модерна общества, стремящегося к выживанию и удовлетворению сиюминутных потребностей в сверхсложной глобализирующейся ситуации неопределённости, и, собственно говоря, стремление человечества закончить на этом все рассуждения о высоком и Абсолютном.

Мир увидел прелести общества потребления и смирился с цинизмом нового грехопадения, в котором качества и достоинства личности обретаются в потреблении. Для великих апостолов модерна «это сладкое слово — свобода»¹ означало свободу человека от насилия и произвола других людей, избавление от пут, не оставляющих индивиду никакого выбора, принуждающих его повиноваться власти имущим. Новая же свобода постмодерна — это свобода от необходимости, преодоление деспотизма норм культур и религий, избавление от пут обстоятельств, которые, безусловно, ограничивают возможность выбора для каждого из нас, для одних — в большей степени, для других — в меньшей. Это и свобода от морали и необходимости следования обременительным религиозным этикам. Чтобы человек стал по-настоящему свободным, надо победить деспотизм физической необходимости, ослабить оковы экономической зависимости. Надо дать человеку Всё. Всё — это и то, что связано с божественными нравственными ценностями, но и то, что связано с дьявольскими искушениями греха и порока. Всё стало дозволено в этой новой свободе постмодерна.

Свобода в этом смысле — это, конечно, просто другое название для власти или богатства. Такая свобода просто стала новой формой насилия. Ты обязан покупать и потреблять. Ты личность только потому, что потребляешь. Ты обязан быть конформистом и подчиняться новым представлениям о морали и культуре. Ты обязан быть толерантным и не осуждать новые правила поведения и новые свободы. Эта новая свобода сопровождается обещанием неслыханного роста материального благосостояния. И это уже не утопия, а реальность современного общества потребления.

В результате общественный идеал из поля, характеризующегося такими параметрами как совершенное, абсолютное состояние, не имеющее отрицательных характеристик, замыкающееся на тотальности предельных оснований, перемещается в пространство новой повседневной реальности, которая не является совершенной и может одновременно содержать положительные и отрицательные проекции. Бог и дьявол, любовь и похабщина, жизнь и смерть в одном «флаконе».

По мнению Э. Гидденса, постсовременность может создавать утопию, но определённого вида, в качестве проекта, ориентированного на будущее, который соединён с имманентными тенденциями развития и поэтому является реалистичным [Гидденс, 2011: 308].

¹ «Это сладкое слово — свобода!» — политический детектив режиссёра Витаутаса Жалакявичуса. Снят киностудией Мосфильм при участии Литовской киностудии В 1972 году.

В понятийных конструкциях постмодернизма такая модель интерпретируется как симулякр. Например, у Ж. Бодрийяра: «Именно принцип симулякра правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности. Целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, остались одни симулякры» [Бодрийяр, 2000: 44]. Идеал всё более становится симулякром, **реальной нереальной реальностью**. И может быть выстроена логическая цепочка, доказывающая это. Ну чем идеал не фантом, не симулякр, не образ того, чего нет, и, скорее всего, никогда не было и не будет? Но люди охотно его принимают и считают его реальным. Возможно, и все идеалы предыдущих эпох были такими фантомами, а нереалистичность — это в принципе сущностная черта любого общественного идеала. Отличие лишь в том, что в ситуации постмодерна возникающие идеальные модели предельно упрощают и тем самым опустошают образ моделируемого социума. Но, тем не менее, возникающая гиперреальность заполняется и этими идеальными конструкциями [Овсянников, 2011].

В парадигме постмодернизма сам идеал может быть амбивалентен, то есть сама конструируемая идеальная модель может предполагать внутри противоречивую природу моделируемого объекта. Например, в качестве идеального конструкта может быть представлена модель государства, являющегося одновременно институтом классового господства и классового мира. Или идеал социальной справедливости может одновременно предлагать уравнительную и распределительную социальную справедливость. Социологические исследования постоянно фиксируют эту несвязность, разорванность и мозаичность общественного сознания [Овсянников, 2000].

Социолог-эмпирик мира постмодерна понимает, что фиксируя социальные факты в своём социологическом исследовании, он фиксирует недосказанность, неопределённость и размытость их присутствия в общественном сознании. Это факты, свидетельствующие об уходе от чего-то, но не прихода к чему-то, факты несовершенства, факты, как знаки, как символы, как мечтания и мифы. Как симулякры. Социолог реальности постмодерна становится как Шнитке в музыке, как Пелевин в литературе, как Мунк или Малевич в живописи. Один и тот же факт в этой реальности многомерен и не может быть однозначно интерпретирован. Об этом как-то сказал идеолог символического интеракционизма в социологии Дж. Мид: «Мы не знаем куда идём. Но мы в пути!».

Трансформации мира ценностей студенческой молодёжи: трудная дорога от коммунизма к капитализму

В таблице 1 показаны основные индикаторы, определяющие аксиологический мир студенческой молодёжи России, Украины, России и Армении и его трансформацию за более чем двадцатилетний период.

Таблица 1

Различия в мировоззренческих установках студенческой молодёжи, %

Индикаторы установок	1991	2013
Отношение к родителям		
Отношения довольно напряжённые, родители все время лезут со своими наставлениями и советами	22	7
С большим уважением относятся к родителям	74	90
С родителями установилось взаимопонимание, прислушиваются к их советам и указаниям	48	70
Родители являются примером	40	66
Отношение к семье		
Семья – это основа общественной жизни	51	72
Семья – источник самых светлых и высоких чувств	60	80
Не мыслят своей жизни без семьи	57	78
Смысл человека		
Человек – маленькое, беспомощное существо, затерянное в бескрайних просторах Вселенной	38	28
Человек – смысл и суть мироздания, хранитель его красоты и тайны	51	39
С человеком в мир пришла доброта	35	26
Источники чувства стыда		
Бедность своей семьи	13	5
Нищета и скудность жизни своих сограждан	17	8
Бедная, убогая одежда, которую вынуждены носить	22	8
Собственная неловкость, неумение вести себя в обществе	27	17
Падение авторитета и престижа своей страны на международной арене	26	16
Источники чувства протеста		
Богатство одних и бедность других	30	19
Недобросовестное отношение к работе	36	29
Нищенство, попрошайничество	35	21
Иждивенчество	34	20
Национализм	40	24
Роль поколения сверстников в общественной жизни		
Мое поколение – носитель новых идей, начинаний	56	65
Смысл жизни		
В служении идеалам добра и красоты	51	35
В бытовой устроенности, комфорте	60	49
В финансовой независимости, богатстве	59	46
Смысл жизни в том, чтобы получать от нее как можно больше удовольствий	58	70

Продолжение таблицы 1

Индикаторы установок	1991	2013
Отношение молодёжи к политике		
Политика вершит судьбы мира	59	37
Никакая политика не может снять с человека его личной ответственности за его судьбу и судьбу страны	73	62
Политика – концентрированное выражение экономики	43	28
Отношение молодёжи к религии		
С уважением относятся к чувствам верующих, но к самой религии равнодушны	46	36
Это важнейшая составляющая культуры народа	61	49
Характеристика жизни		
Это просто борьба за существование	39	21
Жизнь – это тяжкий труд, боль и страдания	30	18
Жизнь – это грязная зловонная яма, полная преступлений и позора	14	8
Жизнь – это праздник, нужно взять от неё всё, что можно	56	64
Жизнь – это скука и тоска обыденности	15	7
Жизнь для меня полна тайн и ярких впечатлений, вызывает у меня чувство жгучего интереса	64	70
Оценка молодыми людьми положения собственной нации		
Это великая нация с огромным нерастроченным потенциалом	58	45
Она была когда-то великой, у неё богатая история, но всё это в прошлом	48	36
В будущем моей нации ещё предстоит сыграть выдающуюся роль в мировой истории	58	43
Основы полноценной жизни моей нации подорвало безответственное руководство	54	41
Многие народы паразитируют за счёт моей нации	38	25

Основные факты трансформации ценностей молодёжи, выявленные исследованиями 1991 и 2013 годов, состоят в следующем.

Отношения с родителями в целом имеют позитивный тренд. Если в 1991 году 48% молодых людей отмечали, что «с родителями установилось взаимопонимание, прислушиваются к их советам и указаниям», то в 2013 г. студентов, согласных с данным утверждением, было уже 70%. Если в 1991 году родители являлись примером для 40% молодых людей, то в 2013 г. 66% студентов были согласны с этим тезисом. Одновременно студенты стали реже соглашаться с высказываниями о негативной роли родителей в их жизни. Если в 1991 году были согласны с утверждениями «отношения довольно напряжённые, родители всё время лезут со своими наставлениями и советами» и «крайне раздражают устарелые взгляды и привычки родителей» 22 и 27% респондентов, то в 2013 г. таких студентов было уже 7 и 11%, соответственно. Налицо увеличение роли родителей в жизни молодых людей.

Наверное, это хорошо как сигнал приверженности консервативным ценностям. Но это может быть и знаком иждивенчества, бездеятельности и неспособности к самостоянию и самодеянию. Не так ли?

Можно отметить, что для студенческой молодёжи исследуемых постсоветских стран семья является значимой социализирующей ценностью. Кроме того, существенной остаётся функция материального обеспечения, предполагающая, в большинстве случаев, хорошие отношения молодых людей с родителями и с семьёй в целом. Учитывая доминирование позитивных оценок консервативных семейных ценностей, можно предположить, что данная ценность будет оставаться значимой за счёт дальнейшей межпоколенческой трансляции, по крайней мере, лет 20–30. Можно утверждать, что **в течении ещё одного поколения (20–30 лет) маловероятны для славянских стран внедрения в культуру европейских новообразований по отношению к ценности семьи.** Такие, как однополые браки, к примеру. Или гей-парады.

При обсуждении темы **о сути человеческой природы** молодые люди уходят от категорической прямолинейности и обретают ценности толерантной уклончивости и компромиссности. Исключение составил только тезис «человек – источник преобразующей и облагораживающей мир энергии». В 2013 году этот тезис стал наиболее популярным, в то время как в 1991 году доминировало представление о людях, как «человек – смысл и суть мироздания, хранитель его красоты и тайны». Вероятно, такая трансформация доминант в представлениях о человечестве свидетельствует о том, что формируется другая модель смысловых оснований. **Тренд вполне ясен: отход от гуманистической модели самооценности человека и принятие модели ценности деятельного и энергичного человека.**

Большинство студентов предпочитают искать компромиссные варианты разрешения конфликтов. Сегодня такое поведение предпочтительно для 65% студентов, в то время как 20 лет назад так считало 51% молодых людей. Они готовы сегодня пойти и на уступки своим интересам. Если первая модель связана с коммуникативным действием (поиск компромисса), то вторая (проще уступить, чем победить) – с инструментальным. Как тут не вспомнить Высоцкого:

*«Не напрягаюсь, не стремлюсь, а как-то так...
Не вдохновляет даже самый факт атак.
Сорви голов не принимаю и корю,
Про тех, кто в мут головой, – не говорю».*

Молодёжь начала XXI века явно перемещает своё **недовольство и стыд на внешние к ним явления**, снижая протестность и стыдливость за себя, за своё поведение. Бедным быть не стыдно. Собственная

неловкость и физическое несовершенство — не стыдно. Нарушить закон — не стыдно. А вот за державу, за народ, за мировую общественность стыдно. Такая позиция не создаёт потенциал деятельной мотивации на улучшение, на развитие. Как развиваться, если «дурные сообщества порождают дурные нравы» (апостол Павел), но нет стыда за то, что ты сам являешься носителем этих нравов? **За 20 лет выросло новое поколение с явно сниженным чувством стыда. Мы видим только одно исключение. Оно связано с чувством стыда за «понапрасну растраченное время». Данное обстоятельство стало в большей степени вызывать стыд у студентов. Это связано с уже зафиксированным стремлением к самоактуализации и желании реализоваться в обществе и в жизни.**

Вопросы национализма и поиска смыслов национального самосознания и сегодня актуальны для молодых людей. Важной политической ценностью является национальное сознание, которое ныне у студентов разных стран сильно различается, формируя новые актуализации и рефлексии. Белорусские студенты в меньшей степени (29%) склонны соглашаться с такими утверждениями о собственной нации, как «это великая нация с огромным потенциалом», в то время как подобным образом считают 57% студентов в России. «В будущем моей нации ещё предстоит сыграть выдающуюся роль в мировой истории» полагает 51% российских студентов, тогда как только 27% белорусов оценивают перспективы развития своей нации в подобном ключе. Национальное сознание российских и армянских студентов всё больше наполняется гордостью за свой народ и надеждами на выдающую роль своей нации в будущем. У белорусов и украинцев эти черты проявлены слабо.

Социальная травма, связанная с потерей национальной идентичности советского человека и стремление обрести новые национальные формы социального объединения, ослабла. Но не исчезла вовсе. И хотя представления о величии своей нации и её выдающейся роли в мировой истории в будущем разделяют значительная часть молодых людей (36–45%), в 1991 году такие национальные амбиции были свойственны почти 60%. В соответствии с этим снизился градус общей подозрительности в коварстве, преследовании и паразитизме других народов (на 10–25%). Сохранение остроты национальных чувств и переживание определяется тем, что 57% молодых людей (20 лет назад было всего 27%) сегодня готовы защищать интересы своего народа с оружием в руках.

Национальная самобытность социальна. Национальная самобытность — это явление, ничего общего не имеющее с шовинизмом и фашизмом. Это — признание национальных особенностей и национальной идентичности. Если бы слово «национализм» не носило жёсткого политического смысла, то национальную самобытность можно было бы обозначить как культурный национализм. В этом смысле российские студенты — националисты и за двадцать лет эта оценка продолжает сохраняться на высоком уровне (так, например, 51% российских студентов считают, что «русские — это великая нация с огромным нерастраченным потенциалом»). Русскость — это социальность и продукт соци-

ализации. В круг русских входят Пушкин (его американцы называют афрорусским писателем), Тургенев (тюрк), Фонвизин (немец), Суворов (финн), Высоцкий, Ландау, Эйзенштейн, Левитан, Пастернак (еврей), Крузенштерн, Франк и Белинсгаузен (немцы), Барклай де Толли (шотландец), Айтматов (киргиз) и огромное число других великих русских. Русских (по Далю), потому что они говорили и думали по-русски. Разрушение или ослабевание национальных уз опасно для общества. Как только крепь национальной культуры ослабевает, подтачиваются узы социальных и нравственных норм, слабеет демос. Тут же вырываются на поверхность не социализированные силы инстинктивного толпотворения: они всегда принимают форму примитивных правил различения своих и чужих, друзей и врагов, тех, кто против нас и тех, кто за. Самыми сильными из этих правил являются правила этнической (биологической) идентичности. Срыв культурных национальных оболочек всегда приводит к появлению диких асоциальных этнических образований. А это уже нацизм и расизм.

Молодёжь постсоветского пространства довольно высоко оценивает **свою роль и роль своих сверстников в общественной жизни**. На 10% стало больше тех юношей и девушек, которые согласны с мнением о молодом поколении как носителе новых идей и начинаний. Оценки варьируются от 70% в Армении до 59% на Украине. Половина респондентов по-прежнему считает, что их поколение обладает энергией, способной поднять общество на новую ступень развития. Армянская молодёжь в большей степени поддерживает это высказывание по сравнению с представителями других стран (67 против 48% на Украине, 50% в Белоруссии и 54% в России).

1. К 2013 году снизилась на 13%, но по-прежнему остаётся высокой доля тех, кто видит смысл своего существования в достижении финансовой независимости и накоплении богатства. При этом данная смысловая ценность имеет большее значение для российской и белорусской молодёжи (50 и 48% соответственно), чем для молодых представителей Украины и Армении (по 42%).

2. Исследование 2013 года показало: на 11% стало меньше тех, кто видит смысл своей жизни в бытовой устроенности и комфорте. Придание меньшего значения этим ценностям может быть объяснено тем, что их достижение, с одной стороны, требует от молодых людей значительных усилий и времени, а с другой стороны, это не всегда осуществимо в современных условиях. Значительная часть постсоветской молодёжи не имеет для этого необходимой базы — качественного образования, хорошо оплачиваемой работы и перспектив карьерного роста. Молодёжь это прекрасно понимает. В то же время за прошедший

период на 12% (с 58 до 70%) выросла доля тех молодых людей, которые считают важнейшей жизненной ценностью получение от жизни всяческих удовольствий. **В смысложизненных ориентациях заметна актуализация гедонистических тенденций (доля согласных с утверждением «смысл жизни в том, чтобы получать от неё как можно больше удовольствий» возросло с 58% в 1991 году до 70% в 2013 году).**

3. В 2013 году для молодого поколения сильно поблек ленинский тезис о политике как концентрированном выражении экономики. Падение значения этого правила составило 15%. Несогласие с этим суждением высказывает каждый четвёртый представитель молодёжи. Очевидно снижение влияния марксистско-ленинских материалистических представлений о социальной реальности. Явно выросло либеральное представление о политике: личность обязана отвечать за себя, она выше политики и не имеет права списывать свои неудачи на политэкономических демонов.

4. Молодые люди рассматривают религию как важнейшую составляющую культуры народа. Несмотря на то, что за исследуемый период произошло изменение значения этого показателя (уменьшение на 12%), оценка этого суждения является самой высокой. Согласие с этим мнением высказывают 77% представителей из Армении, 53% – из России, 48% – из Украины и 42% – из Белоруссии. Вторую позицию в спектре суждений о религии занимает суждение: «религия – это важнейшая опора нравственности и морали в обществе». На третье место молодые люди поставили суждение о религии как объединяющей людей силе. В большей степени согласие с этим тезисом высказывают представители из Армении. По мнению 36% студентов религия имеет большое значение для человека. Они уверены, что достойно можно жить только с верой в Бога. Столько же юношей и девушек демонстрируют уважительное отношение к чувствам верующих людей, а сами остаются равнодушными к религии. **За 20 лет отношение к религии практически не изменилось, а в некоторых аспектах даже ухудшилось. На 12% уменьшилась доля студентов, считающих религию основой культуры, на 10% снизилась доля людей, уважающих чувства верующих. Не изменилась доля тех, кто считает религию образом своей жизни. Молодёжь активно строит свою жизнь без Бога, продолжая советские традиции атеизма. Но уже не воинствующего. И то хорошо.**

5. Практически в два раза, с 14 до 8% сократилась доля крайне пессимистично настроенных молодых людей, для кого их жизнь представляется «зловонной ямой». До 70% возросло количество студентов, проявляющих оптимистический интерес к жизни. Также вдвое уменьшилось количество фаталистов и скептически настроенных молодых людей. И всё же каждый четвёртый молодой человек считает, что причинами его неудач является «рука судьбы». При этом каждый пятый убеждён, что «жизнь – это борьба за существование», а для 18% студентов жизнь «приносит боль и страдания». Постмодернистское восприятие жизни как «сумеречного мира симулякров», демонстрирует каждый десятый представитель нового поколения. По их мнению, «жизнь – это сон, у меня нет ощущения ре-

альности того, что происходит вокруг». Несмотря на это большинство студентов готовы сами вершить свою судьбу, а количество фаталистов, признающих, что жизнь – фатальное сцепление событий, на которые человек не может повлиять, уменьшилось в два раза – соответственно с 27 до 13%. **Несмотря на то, что за 20 лет количество пессимистически настроенных студентов, позиционирующих негативное отношение к жизни, сократилось, тенденция пессимизма, нигилизма, тревожности сохранилась и по-прежнему функционирует в молодёжном сознании.**

Что можно ожидать от новых поколений

Русская интеллигенция ещё с пушкинских времён мечтала о появлении в России «непоротого поколения». Эти мечты русский философ Н. Эйдельман сформулировал вполне пафосно: «...Прямо из старинных, жестоких времён не могли бы явиться люди с тем личным достоинством и честью, что мы привыкли видеть у Пушкина, у декабристов... Для того, что бы появились такие люди, понадобится, по меньшей мере, два «непоротых поколения»...» [Эйдельман, 1999: 119].

И вот в начале XXI века эти мечты сбылись. Взросло «непоротое поколение». Пока одно. Однако при рассмотрении молодых людей этого поколения, нет ожидаемого восторга от его появления. Молодые люди, родившиеся в постсоветской России, выросли в мире постмодернистского общества потребления. Это поколение, не знавшее чувства голода. Поколение людей, у которых всё есть. Они социализировались в атмосфере достатка, получая удовольствие от жизни. Их не травили как «врагов народа» или представителей презираемых народов (к примеру, евреев, представителей народов Средней Азии или немцев во время и после Второй мировой войны). Они не стояли в очередях за хлебом. Они не испытывали страха от последствий рассказа идеологически невыдержанного анекдота или стихотворения. Они не читали по ночам в студенческой общаге «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына или «Зияющие высоты» Зиновьева. Они и сегодня ничего не читают..

У них ослаблены достиженческие мотивации. Ослаблена воля, направленная на преодоление трудностей. В их жизни не было и нет трудностей. Если они появляются, то они предпочитают их не замечать, уходя в лёгкие миры виртуальной реальности социальных сетей интернета и мобильной телефонии.

Поступление в вуз, событийное для поколения 1990-х годов, стало прозой для нынешних двадцатилетних. Они при хорошем ЕГЭ стремятся поступить на бюджетные места, или при плохом ЕГЭ –

на платные отделения университетов. Родители всё проплатят. Учёба в университете не стала для них работой (по крайней мере для 60% студентов). Учёба стало продолжением гедонистической довузовской жизни.

Они консервативны, они не хотят уходить из дома, из семьи. Семья, это благополучная жизнь, деньги родителей и продолжение беззаботной жизни. Они стоят за продолжение такой семьи, которая их обихаживает и позволяет отложить «на потом» принятие жизненно важных решений о работе, браке, служению обществу. Однако консерватизм семьи основан на материальной зависимости молодёжи от родителей. С ростом материального благосостояния мы не можем исключить уже в следующем поколении молодёжи роста либерализации семейных ценностей. Это означает, что лет через двадцать появится вполне европеизированное поколение и всё станет так, как в «европах». Просто вырастет новое поколение с другими ценностями и представлениями о гедонизме. Европа всегда заходила к нам как «своя» лет через 20–30 после освоения ею культурных инноваций.

Образ современного студента вполне конкретен. Это достижение материального благополучия, личного успеха, карьеры и богатства. Они мечтают о жизни, наполненной удовольствиями, без стеснения моральными нормами. Иждивенчество молодых людей стало опасным явлением. Половина студентов считает родителей источником бытового комфорта. Четверть — источником карманных денег.

Консерватизм нового поколения сильно ослаблен в отношении религии. Формально молодые люди признают религиозные ценности и этику религиозного мировоззрения. Упование на помощь Бога становятся значительным и важным фактом постсоветской реальности. Пусть эти упования носят, возможно, декларативный характер, но социологи уже не отмечают в сознании студентов советских черт «воинствующего атеизма». Особенно ярко это видно в Армении. Это означает и явно обозначенный тренд отказа от естественно-научного мировоззрения атеизма.

По сути, молодые люди давно живут без Бога, и ресурсов их приобщения к религиозным ценностям на данный момент практически нет. Надо только надеяться на то, что Церковь пойдёт к Миру. К миру людей, поступившись гордыней Клира. Нужны обновления текстов Библии на современный русский язык, нужны службы, проводимые на современном языке и проповеди, актуальные для жизни современных мирян. Может быть это создаст интерес молодых людей к Богу. Нужны и целенаправленные PR-акции, связанные с формированием престижности образа молодого человека, верующего в Бога. Пока же для нашего поколения молодёжи Бог находится на периферии их сознания, исполняя роль мистического оберега.

Юноши и девушки по-прежнему представляют любовь как великую силу, правящую миром, считают это чувство важнейшей сущностной чертой человека и основой человеческого единства. Значимой разницы в оценках представите-

лей разных стран обнаружено не было, кроме одного мнения, связанного с представлением о любви как силе, управляющей миром. С этим суждением, в той или иной степени, согласен 71% опрошенных представителей из Армении и только 51% – из Белоруссии.

По сравнению с молодыми людьми двадцатилетней давности, нынешние студенты в меньшей степени стали соглашаться с предложенными однозначными характеристиками человека. Молодые люди реже соглашаются не только с негативными характеристиками человека («человек – маленькое, беспомощное существо, затерянное в бескрайних просторах Вселенной», «люди – тупые, ленивые существа, понимают только язык силы и принуждения», «человек – жестокое и хитрое создание, способное на любую подлость»), но и с антропоцентристскими тезисами («человек – смысл и суть мироздания, хранитель его красоты и тайны», «человек – господин и хозяин Вселенной, владыка мира»). Почти с каждым предложенным тезисом респонденты стали реже соглашаться. Исключение составил тезис «человек – источник преобразующей и облагораживающей мир энергии». В 2013 г. Этот тезис стал наиболее популярным, в то время как в 1991 году доминировало представление о людях, как «человек – смысл и суть мироздания, хранитель его красоты и тайны». Человек и отношение к нему так и остались неинтересными молодым людям. Человек – это абстракция для молодых людей. Они не хотят об этом думать и говорить.

Мировоззренческая картина современного студента сформирована на основаниях негативного восприятия жизни. Жизнь: «это просто борьба за существование», «жизнь – это тяжкий труд, боль и страдания», «жизнь – это грязная зловонная яма, полная преступлений и позора», «жизнь – это скука и тоска обыденности».

В тоже время, проведённое исследование показало, что растёт число тех молодых людей, кто в трудных жизненных ситуациях надеется только на свои собственные силы. Их не так уж и мало (25 – 30%) и они вполне могут стать созидательной силой. Если они взрастут, не поломав крылья (или, не приведи Господь, им не дадут взлететь, переломав крылья), то это будет историческим явлением. «Не бояться, ничего не просить», – это слоган нового, возможно, нарастающего поколения. Это новые люди, стремящиеся к самостоянию, самодеянию, самореализации своих талантов и способностей. Им стыдно за то, что они не самостоятельны. Они боятся не реализовать свои способности. Эти студенты считают самих себя причинами своих жизненных неудач. В этом явно проявляется тренд на либерализацию общественного сознания современной молодёжи. Стремление к самостоятельности. Индивидуализации. Самодеянию и самореализации. В этом виден

и тренд отката от традиций советского коллективизма, патернализма и связанной с этим зависимости от государства. Эти данные, как и материалы других исследований, подтверждают тезис У. Бека, З. Баумана и других известных социологов об индивидуализации сознания современного человека. Наши студенты считают, что индивидуализация — это актуализация субъектных характеристик личности, её расчёт на собственные силы (интеллектуальные, моральные, физические и т. д.) в решении возникающих жизненных проблем. Они хотят быть востребованными социальными практиками своих обществ и своих стран.

Современный студент всё в большей степени осваивает ценности утилитаризма и прагматизма. Свойственный для молодёжи романтизм просто или исчезает, или уже исчез из аксиологического портрета студента постсоветских стран. Труд в модернистскую эпоху был и средством самовыражения, и способом достижения социально-значимых позиций. Сегодня труд вновь обретает свойства социального обременения, обузы и жёсткой необходимости. Труд вновь, как и во времена Маркса, становится формой отчуждения человека. Однако есть явное отличие. Отчуждённость труда явно компенсирует его гедонистический результат. Это деньги, которые приобретают сакральный смысл. Они становятся главным социальным ресурсом и мерой успеха. Вот как об этом сказал блистательный писатель постмодерна В. Пелевин: «Деньги делают не для людей. Деньги делают из людей!».

Творческое содержание труда для будущих специалистов-интеллектуалов не представляет никакого интереса (наука привлекательна только для 5% студентов). Важно стремление к созданию собственного бизнеса (26%), признание утилитарности труда и желание заняться практической деятельностью (34%) и, наконец, стать начальником (10%). Такие радикальные изменения в осознании ценности интеллектуального труда привели к тому, что численность учёных, к примеру, в России за период с 1989 по 2005 год сократилась с 1 млн 119 тыс. человек до 381 тыс. человек, т. е. в 2,9 раза.

В смысложизненных ориентациях заметна актуализация гедонистических тенденций (доля согласных с утверждением «смысл жизни в том, чтобы получать от неё как можно больше удовольствий» возросло с 58% в 1991 г. до 70% в 2013 г.).

Важно отметить и то, что новое поколение молодых людей — это поколение, являющееся носителем социальных травм, далёких от излечения. Эти травмы сидят в политических областях утери имперской власти государства их дедов и отцов, национальной уязвлённости и социальной депривации. Они вполне осознали, что их поколение живёт в странах, не относящихся к лидерам мировой цивилизации. Уже забыто советское представление о передовых позициях СССР в мире как строителя коммунизма. Стало понятно наше технологическое отставание от стран «золотого миллиарда».

С точки зрения У. Томаса, «если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям...». С позиций «теоремы Томаса», к примеру, майдан 2013–2014 гг. формировался в общественном мнении как реакция на угрозы личному благополучию, стремлению в европейские структуры, наци-

ональной безопасности. Исследование показало высокий уровень страхов общественного сознания украинской молодёжи по крайней мере за год до трагических событий на Украине. Украинские студенты были менее оптимистичны в представлениях о будущем, чем их сверстники в России, Белоруссии и Армении. Они не были уверены в завтрашнем дне страны и благополучии её граждан. Украинские студенты особо тревожились перспективой потери Украиной свободы и независимости. Студенты Украины усматривают причину бед, которые обрушились на их нацию в настоящем, в происках других народов, преследующих и угнетающих их народ. Майдан Украинской трагедии зародился не в Вашингтоне и Брюсселе. Он зародился в общественном сознании украинцев. В том числе и студентов, первоначальных романтических движителей Майдана. Кризис начинается в головах. Для реализации Майдана нужен был повод. Этот повод был создан отказом президента Януковича подписать соглашение об евроинтеграции осенью 2013 года.

В связи с этим возникает вопрос о ближайшем будущем Армении. Пессимизм армянских студентов, зафиксированный в их сознании исследованием 2013 года, пока не материализован. И будет ли материализован? Политтехнологи только ждут повода для эксплуатации тревожности армянской молодёжи. В любой момент этот ресурс может быть востребован для разжигания, к примеру, карабахского конфликта.

Излечение от социальных травм, угнетающих общественное сознание, процесс долгий и мучительный. Новое поколение будет носить эти переживания и страдания ещё как минимум два десятилетия. В исследовании это проявилось в том, что сохраняется убеждённость молодёжи в том, что жизнь их нации подорвало безответственное политическое руководство страны. Они и сегодня отстранены от политического процесса. Нигилизм и скептицизм современных молодых людей проявляется и в оценке роли своего поколения: каждый третий из молодых людей убеждён, что его поколение — это поколение лишних людей, не имеющее никаких идеалов. Каждый второй считает, что у его поколения нет сил и желания что-либо делать.

За истекшие двадцать лет выросло новое поколение с явно сниженным чувством стыда. Может быть речь идёт о бесстыдном поколении. Мы видим только одно исключение. Оно связано с чувством стыда за «понапрасну растраченное время». Данное обстоятельство стало в большей степени вызывать стыд у студентов. Это связано с уже зафиксированным стремлением к самоактуализации и желании реализоваться в обществе и в жизни. Стыдно быть неудачником. Стыдно быть бедным. Стыдно не блистать в социальных сетях. Всё остальное — не стыдно.

Новое поколение – это поколение, близкое образу грибоедовского Молчалина, который хочет быть знатным, богатым, принятым в «высшем свете». Он любит лёгкую, весёлую жизнь, жизнь без забот и тревог. Он считает, что все должны стремиться к той же цели, потому без сомнений предлагает Чацкому: «Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить? И награжденья брать, и весело пожить?»

Отношение молодёжи к обществу, в котором они живут, можно охарактеризовать двумя словами – скептицизм и конформизм. Оно связано, с одной стороны, с потерей доверия ко всем социальным институтам, с другой – с принятием тех стратегий и моделей поведения, которые навязываются обществом как возможность достижения индивидуального успеха в карьере и материального достатка. Принимая эти стратегии, молодёжь, наряду с поиском своей социальной ниши, стремится оградить собственное приватное пространство, свой независимый микромир от агрессивной внешней среды, таящей в себе многочисленные угрозы, риски и опасности. Индивидуализм и стремление отгородиться от общественного долга – это тенденция, которая будет набирать силу в ближайшее двадцатилетие. Такое положение несёт в себе угрозы социальной анемии, потери солидарности. Очень опасной для России: снижение уз солидарности у нас всегда означает нарастание распри и смут.

Оптимизм – совершенно естественное состояние студенчества. И он вырос за двадцать лет, породив поколение уверенных людей. Исследования фиксируют факт повышенной уверенности в завтрашнем дне у студентов постсоветских стран по сравнению с результатами 1991 года. Если в 1991 году отмечали, что смотрят в будущее «с надеждой и оптимизмом» 34% студентов, то в 2013 году – 58%. Если тревогу и неуверенность в совокупности со страхом и отчаяньем двадцать лет назад проявлял практически каждый пятый студент (19%), то доля их на постсоветском пространстве сократилась на 5% и составляет сегодня 12% по всем странам в целом.

Нынешняя молодёжь деидеологизирована. Формирование мировоззрения и личностных установок проходило в условиях социально-политических преобразований 1990-х. Данный период характеризуется отказом ряда государств постсоветского пространства от государственной идеологии как таковой.

Мы увидели сложное социальное полотно. Оно многомерно и дифференцировано. Есть и стремления к высотам человеческих чувств и поступков. Есть и низость и духа, и устремлений. Конечно, последнее двадцатилетие было драматичным и социально травмирующим периодом в жизни всех стран постсоветского мира. За этот период мы увидели серьёзные трансформации ценностного мира. Пока нет оснований говорить о появлении новой генерации молодёжи, о новом мире или новой поколенческой культуре. Вспомним Х. Ортега-и-Гассета, который утверждал, что, если предыдущее поколение революционно, крайне нетерпимо к нормам и ценностям общества и стремится их изменить, то последующее поколение будет более консервативно, умеренно в своем отношении к обществу,

однако полного возврата к старому порядку не может быть никогда. Новое поколение несёт в себе новые ценности. Лет через 20 они будут материализоваться в социальных практиках. Мы не знаем, какими эти практики станут. Какими будут новые культуры, созданными новыми поколениями? Как новые поколения справятся с проблемами нового мира и каким они оставят после себя этот мир?

Список литературы

Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 70–79.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. — 387 с.

Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. — 352 с.

Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. Учебник для вузов. 2-е издание, переработанное и дополненное. — М.: «Экзамен», 2004. — 624 с.

Овсянников А. А. Общества потребления: системность и тотальность кризиса // Народонаселение, № 2 (52). 2011. С. 12–31.

Овсянников А. А. Социология катастрофы. // Мир России. 2000. т. 9, № 1. С. 69–113.

Эйдельман Н. Я. Твой восемнадцатый век. Прекрасен наш союз. М., Издательство «Мысль», 1991. — 400 с.

Энценсбергер Х. М. О трудностях перевоспитания. [Электрон-ный ресурс] // Живой журнал Давида Эйдельмана URL: <http://davidaidelman.livejournal.com/1344253.html> (дата обращения: 24.02.2015).

The New Generation: Long Road in Search of New Ideals and the Meaning of Life

Ovsyannikov Anatoly Aleksandrovich

Doctor of Economical Science, Professor of the Department of Sociology of the Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University of the Russian Foreign Ministry). Vernadsky Prospekt, 76, 119454, Moscow, Russia. E-mail: aovsianikov@post.ru

Abstract. The paper covers comparative analysis of the results of two pieces of sociological research of student community that took part in 1991 in USSR and in 2013 in Armenia, Belarus, Russia and Ukraine. Both pieces of research have targeted same typological pairs of students, differentiated by their social mindsets. They differ in social well-being,

perception of local social environment, family values and traditions, career and professional development and specifics of the mindset of the youth. The research covers characteristics and foundations of student optimism, romanticism and pessimism. Different mindsets regarding role and function of parents in the life of the youth were determined, and political, religious and other trends in youth life-purpose shaping were discovered. Determining common authority figures for different groups of the youth enabled to see the changes in the most important social and psychological mindsets for different generations. Another important topic is the analysis of changes in professional preferences and mindsets regarding their future jobs. Analysis of the major triggers of shame, fear and rebellion in the youth, combined with their estimations of success in life, enabled us to see the structure of main social values of modern young people.

Keywords: pessimism, romanticism, the collapse of family values, social well-being of young people, social isolation, social welfare, social exclusion.

REFERENCES

- Bauman Z. Spor o postmodernizme. J. Sociologicheskij zhurnal. 1994. № 4. S. 70–79.
- Bodriijar Zh. Simvolicheskij obmen i smert'. M., 2000. — 387 s.
- Giddens Je. Posledstvija sovremennosti. M., 2011. — 352 s.
- Kravchenko S. A. Sociologija: paradigmy cherez prizmu sociologicheskogo voobrazhenija. Uchebnik dlja vuzov. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. — M.: «Jekzamen», 2004. — 624 s.
- Ovsjannikov A. A. Obshhestva potreblenija: sistemnost' i total'nost' krizisa. J. Narodonaselenie, № 2 (52). 2011. S. 12–31.
- Ovsjannikov A. A. Sociologija katastrofy. J. Mir Rossii. 2000. T. 9, № 1. S. 69–113.
- Jejdel'man N. Ja. Tvoj vosemnadcatyj vek. Prekrasen nash sojuz. M., Izdatel'stvo "Mysl", 1991. — 400 s.
- Jencensberger H. M. O trudnostjah perevospitanija. [Elektronnyi resurs] J. Zhivoi zhurnal Davida Eidel'mana URL: <http://davidaidelman.livejournal.com/1344253.html> (data obrashhenija: 25.02.2015).